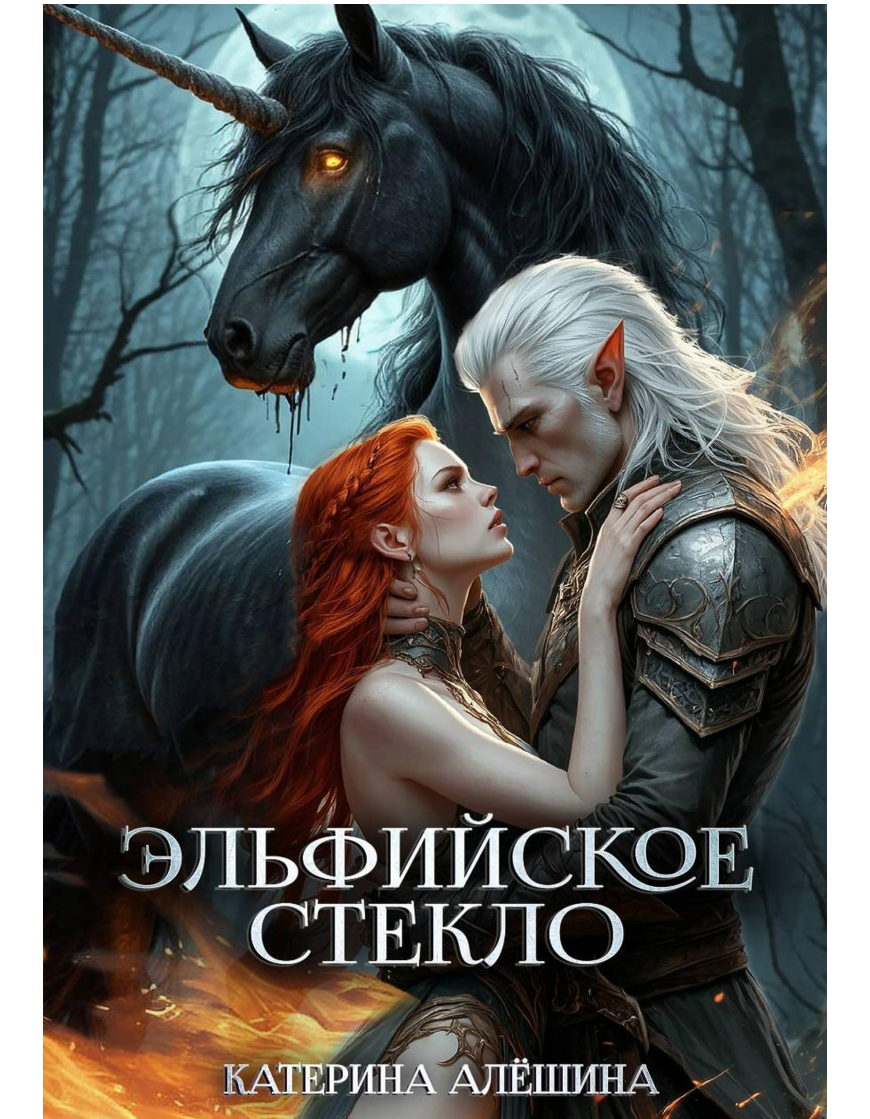

ЭЛЬФИЙСКОЕ СТЕКЛО

КАТЕРИНА АЛЁШИНА

Катерина Алёшина

Эльфийское стекло 3

<https://litres.ru/74307984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лорелея Рейн не привыкла доверять. Но когда на кону судьба мира, выбирать не приходится. Влюблённый эльф, проклятый пират и воительница гномов, не умеющая отступать. Им предстоит путь к ледяной стене. И только один из них знает: обратной дороги не будет.

В тексте вас ждут:

влюблённый эльфийский король, теряющий самообладание;
опасный пират, слышащий зов тьмы;
воительница, чья верность крепче стали;
запретные чувства и трудный выбор;
магия, что сильнее смерти;
путешествие на край мира, откуда не возвращаются.

Содержание

Глава 1. Тариэль	4
Глава 1.2. Тариэль	7
Глава 2. Агата	17
Глава 3. Вильям	26
Глава 3.2. Вильям	31
Глава 4. Лирэль	36
Глава 5. Гаррет	40
Глава 6. Мира	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Катерина Алёшина

Эльфийское стекло 3

Глава 1. Тариэль

Кулак врезался в скулу. Голова мотнулась, перед глазами вспыхнуло багровым, рот наполнился металлическим привкусом. Следующий удар пришёлся под дых. Тариэль согнулся, воздух вырвался из лёгких с хрипом, он не пытался закрыться.

— Вставай! — прорычал Вилл, хватая его за ворот. — Вставай, остроухий ублюдок!

Тариэль не ответил. Колени подогнулись, он рухнул на каменный пол.

Вилл рывком поднял его за грудки, замахнулся снова. Лицо капитана — перекошенное, красное, со вздувшимися жилами на лбу — было совсем близко. От него пахло ромом и чем-то едким, звериным.

— Ты должен был её защищать! — Кулак впечатался в челюсть. — Ты! Грёбанный король!

Тариэль качнулся, но устоял. Из разбитой губы потекла кровь, закапала на белый ворот рубашки. Он не вытирал, только смотрел куда-то сквозь Вилла, в пустоту.

— Ответь мне! Что ты за король такой, если даже женщи-

ну не уберёт?!

Рейдан шагнул было вмешаться, но Тариэль едва заметно качнул головой. Пусть бьёт. Боль была единственным, что хоть как-то заглушало пустоту внутри: понятная, простая, не та, что грызла изнутри.

Агата стояла у стены, вжав голову в плечи: лицо в ссадинах, на виске запёкшаяся кровь, одежда до сих пор влажная, прилипшая к телу. Она молчала, только пальцы сжимались в кулаки. Каждый удар, обрушивающийся на Тариэля, заставлял её вздрагивать, словно били её саму.

— Вилл, прекрати, — наконец выдавила она, но голос прозвучал глухо и неубедительно.

Капитан не слышал. Он снова замахнулся. На этот раз Тариэль не устоял — рухнул на одно колено. Перед глазами поплыло. Он сплюнул кровь на камень и вдруг поймал себя на мысли, что заслуживает этого. Всего, что сейчас происходит, и даже больше. Он, король эльфов, позволил ей уйти. Пове-рил в план, в расстановку сил, в то, что двух дюжин солдат хватит. А их не хватило. И теперь Леи нет.

— Что ты молчишь? — Вилл схватил его за волосы, заставляя поднять голову. — Скажи хоть что-нибудь!

Тариэль посмотрел на него мутными, остекленевшими глазами. В них не было ни гнева, ни страха. Только бездна.

— Бей, — тихо сказал он.

Вилл замер. Рука, занесённая для удара, дрогнула. Он смотрел на избитое, опухшее лицо короля и вдруг понял:

этот эльф уже мёртв внутри. Он не защищается, потому что ему всё равно.

Капитан разжал пальцы. Тариэль тяжело осел на пол. В зале повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием присутствующих.

— Будь ты проклят, — выдохнул Вилл и, пошатнувшись, вышел прочь.

Рейдан бросился к другу. Попытался поднять, но Тариэль отстранил его руку. Поднялся сам, медленно, как старик. Вытер кровь с губы тыльной стороной ладони.

— Лекаря? — спросил Рейдан, но Тариэль уже шёл к выходу.

Он двигался как во сне. Шаги гулким эхом разносились по коридору. Мимо проплывали лица — он не различал их. Кто-то что-то говорил — он не слышал. Только холод в груди, только пульсация в висках.

Глава 1.2. Тариэль

Тариэль стоял на балконе. В лицо дул пронизывающий ветер, но он не чувствовал холода. Щека распухла, губа саднила. Скулы ныли тупой, тянущей болью. Но это было ничто. Сущий пустяк по сравнению с тем, что разрывало грудную клетку.

Перед внутренним взором снова и снова прокручивалось одно и то же: он отпустил её. Он, дурак, решил, что так будет лучше. Что они справятся. Что удача на их стороне.

Боги, как он ошибался.

Снизу доносились голоса. Он посмотрел туда, и увиденное заставило его похолодеть. В саду, среди деревьев, собирались эльфы. Они стекались ручейками к специально возведённому постаменту, укрытому белым шёлком. В руках у собравшихся были цветы. Белые лилии.

«Они хоронят её, — пронеслось в голове. — Они хоронят ту, чьё тело не найдено».

Эта мысль показалась ему чудовищной, невыносимой. Он сжал перила балкона до боли в костяшках. В горле стоял ком.

«Фарс. Лживый спектакль».

Тариэль скользнул взглядом по толпе. Ни матери. Ни отчима. Аврора наверняка ещё не знает, сидит сейчас на Драконьем Пике, не ведая, что дочери больше нет. Марк в Гутамбурге — до него весть тоже не дошла. А может, и к лучшему.

Церемония началась. Тариэль не спустился вниз, хотя обязан был — как король, как тот, кто любил её. Но ноги словно приросли к каменным плитам. Он не мог. Не мог стоять там, среди скорбных лиц, делать вид, что принимает их соболезнования, произносить пустые слова о долге и жертве.

Их слова — ничто. Их скорбь — ничто. Они не знали её так, как знал он. Не чувствовали тепло её дыхания на своей коже. Не видели, как вспыхивают янтарём её глаза, когда она злится, и как они становятся мягкими, точно расплавленный мёд, когда она смотрит на него ночью, в тишине спальни.

Они не знали. И никогда не узнают.

Тариэль всмотрелся в собравшихся. Вот Агата. Она стояла в первом ряду, прямая, как струна. Лицо — маска. Но Тариэль видел, как дрожат её пальцы, сжимающие стебель лилии. Чуть поодаль — Вилл. Он стоял отдельно ото всех, скрестив руки на груди. Даже отсюда Тариэль видел, как капитан стискивает зубы. После вчерашней сцены Вилл избегал встречаться с ним взглядом.

Агата вышла вперёд, когда наступила тишина.

Воительница выглядела так, будто не спала несколько дней. Лицо серое, под глазами тени. Она окинула взглядом собравшихся и запела.

Голос её — низкий, грудной — разнёсся над садом. Он поднимался к небу, проникал в каждую щель, заставляя холодеть даже тех, кто не понимал слов. Агата пела на старом наречии гномов, но Тариэль, знавший немало языков, раз-

бирал каждое слово:

*«Спускалась русалка к холодной воде,
Распутала косы на мёрзлой скале.
Она не глядела на лунный чертог —
Всё чудился берег, где милый продрог.
Ой, море, не мучай, ой, ветер, не рви —
Верни мне его хоть на каплю любви.
Я выменять душу за жизнь не боюсь,
Я пеной солёной к ногам опускаюсь.
Но море молчало, и ветер стихал,
Лишь берег пустой тишину колыхал.
Растаяла дева в седой глубине —
Остался лишь голос, дрожащий во тьме».*

Голос Агаты дрогнул на последней строке. Она замолчала, и тишина после песни показалась оглушительной. Кто-то из эльфиек всхлипнул. Агата опустила голову, плечи её затряслись.

Тариэль слушал, и слова отзывались в нём эхом. Песня была не о русалке — о Лее. О той, что пожертвовала собой, растворилась во вспышке, не оставив даже горстки пепла.

По толпе прошло движение. К постаменту вышли двое эльфов в церемониальных одеждах. Они зажгли чаши с благовониями. Дым поднялся к небу серыми струйками, поплыл над садом. Запах мирры и лумелии достиг балкона. Тариэль вдохнул его, и его замутило. Запах похорон. Запах лжи.

«Она не умерла. Она не могла умереть».

Рука сама собой потянулась к перстню. Он носил его не снимая — массивное серебро, холодное и тяжёлое. В оправе мерцал камень — парный лунный обсидиан. Точно такой же был в кулоне, что Тариэль подарил Лее.

Он поднёс перстень к глазам. Камень пульсировал. Едва заметно, но пульсировал. Если бы Лея была мертва, обсидиан погас бы, стал мутным и безжизненным. Но нет — в глубине его по-прежнему теплился свет. Слабый, как уголёк под слоем пепла, но живой.

Тариэль смотрел на камень, и в груди что-то дрогнуло. Первая за весь день мысль, которая не была о смерти.

«Она жива».

Он не знал, где она. Не знал, что с ней. Но камень не лгал. Лунный обсидиан, созданный магами древности, не ошибался. Он был связан с жизненной силой владельца. И пока камень светится, пусть еле-еле, — есть надежда.

Внизу тем временем продолжалась церемония. К постаменту вышел жрец. Он начал читать заупокойную молитву. Голос его был монотонным, почти усыпляющим.

— ...ибо нет большего дара, чем жизнь, отданная за други своя...

Тариэль слушал и не слышал. Слова проходили сквозь него, не задевая. Он смотрел на камень в перстне и цеплялся за его слабую пульсацию, как утопающий — за обломок мачты.

— ...и возвращается плоть в землю, а дух — к истокам магии...

«Нет, — думал Тариэль. — Нет, не возвращается».

Он вспомнил утро перед битвой. Лея стояла у окна их спальни, кутаясь в шаль. Рассвет красил её волосы в медь. Она обернулась к нему и улыбнулась той самой своей улыбкой, от которой у него всегда перехватывало дыхание.

Почему он отпустил её? Почему не настоял, чтобы она осталась в замке? Почему, чёрт возьми, он вообще позволил ей участвовать в этой войне?

Ответ был прост. Потому что Лея Рейн никогда не слушалась приказов. Потому что она была упряма, как тысяча демонов.

Он стиснул перстень. Камень мерцал.

— Ри? — раздался голос за спиной.

Тариэль вздрогнул. Он не слышал шагов. Обернулся — в дверях стоял Рейдан. Лицо друга было хмурым, на скуле багровел свежий синяк. Должно быть, досталось, когда он пытался разнять драку.

— Ты должен спуститься, — негромко сказал Рейдан. — Эльфы ждут слова короля.

— Пусть ждут.

— Тариэль...

— Я сказал: пусть ждут.

Рейдан помолчал. Он видел состояние друга и понимал, что давить сейчас — только хуже сделать. Но он также осо-

знавал, что эльфы не поймут. Они уже роптали. Король, который даже не явился на похороны огненной девы, — такого Линден не прощал.

— Ты хотя бы знаешь, что говорят в городе? — тихо спросил Рейдан.

— Мне плевать.

— Зря.

Тариэль криво усмехнулся. Разбитая губа тут же напомнила о себе болью.

— Ты здесь, на балконе, а они — там, в саду. И они хоронят твою женщину.

— Они хоронят призрак, — отрезал Тариэль и поднял руку с перстнем. — Видишь?

Рейдан прищурился. Камень едва пульсировал в оправе.

— Это ещё ничего не значит, — осторожно произнёс он.

— Значит, — с нажимом сказал Тариэль. — Она жива. Я чувствую это.

— Камень может ошибаться. Артефакты не вечны, ты сам знаешь.

— Не в этот раз.

Он отвернулся. Внизу жрец закончил молитву и теперь возлагал венок из белых лилий. Эльфы один за другим кланялись, оставляли цветы. Агата стояла на коленях, закрыв лицо руками.

— Посмотри на это, — проговорил Тариэль. — Всё это — фарс. Нет тела. Нет доказательств смерти. Но они уже хо-

ронят её.

— Агата сказала... Взрыв был такой силы. Ри, ты сам видел.

— Агата сказала, что не нашла тела, — перебил он. — Только оплавленный меч. Мы тоже. Этого мало.

— Этого достаточно, чтобы считать её погибшей.

— Нет. Недостаточно.

Тариэль резко повернулся к другу. В его глазах сверкнула искра — отчаянная, полная необъяснимой надежды. Он цеплялся за соломенку.

— Ри, ты обезумел.

— Я найду её, — сказал Тариэль. — Я не знаю как, но найду.

Рейдан вздохнул:

— Даже если она жива, где ты будешь искать?

Тариэль не ответил. Он снова посмотрел вниз. Церемония подходила к концу. Эльфы расходились, оставляя белые лилии у подножия постамента. Цветы укрывали землю, как снег.

Агата отошла в сторону и теперь стояла у старого дуба. Плечи её были опущены, подбородок дрожал.

«Она винит себя», — понял Тариэль.

В этом они были похожи. Каждый из них нёс свою вину. Вилл — за то, что не был рядом. Агата — за то, что не убежала. Тариэль — за то, что отпустил.

Он снова сжал перстень. Пульсация камня отдавалась в

пальцах, как далёкое сердцебиение. Слабое, но ритмичное.

— Завтра я отправлюсь на поиски, — сказал он, не оборачиваясь.

— Куда?

— К озеру. Туда, где всё случилось.

— Тариэль, прошло три дня. Если она выжила, то давно не там.

— Я начну оттуда.

Рейдан хотел возразить, но посмотрел на друга — на его избитое лицо, на перстень, который он сжимал, как величайшую драгоценность, — и промолчал.

— Я пойду с тобой, — сказал он наконец.

— Нет. Останешься здесь. Присмотришь за пиратом — он в ярости может надеть глупостей.

— За Виллом пусть Агата присматривает. Я нужен тебе.

Тариэль покачал головой.

— Ты нужен здесь. Как мой голос.

Рейдан скрипнул зубами.

— Булгур справится с этой задачей.

— Рей, идёт война. Мы отбросили снарков, но лишь на время.

— Вот именно. Куда ты собрался?

— Я не могу иначе.

Внизу сад почти опустел. Только белые лилии лежали у постамента. Ветер трепал шёлковые ленты, повязанные на ветвях.

Тариэль в последний раз бросил взгляд вниз и отвернулся. Он не мог больше смотреть на это. Не мог видеть, как они хоронят его любовь.

— Тебе не кажется странным это нападение? — вдруг спросил Рейдан.

— Кажется.

— Будто в нём и состоял весь план. Может, целью был не Линден, а княжна?

— Может. Если сарками и вправду управляет тёмный, — ответил Тариэль.

— Тогда... Как он узнал, что Лея здесь?

— Может, и не знал до поры. Чёрт разберёт, что происходит! Может, он чувствует магию, это вполне логично. Твари ведь зачем-то полезли именно в цеха. Не хочу сейчас об этом думать.

Тариэль ушёл с балкона. Вскоре его шаги гулким эхом разнеслись по коридору. Рейдан не последовал за ним.

В спальне было темно. Тариэль не стал зажигать свет — просто опустился на край постели, на ту половину, где обычно спала она. Провёл ладонью по подушке. Запах её волос почти выветрился.

Тариэль поднёс перстень к губам. Камень всё так же еле уловимо мерцал.

— Где ты? — прошептал он в темноту.

Тишина была ему ответом. Но Тариэль не сдавался, цеплялся за последнюю надежду, словно безумец. Только она

давала ему сил.

Глава 2. Агата

Церемония закончилась. Эльфы расходились молча, опустив головы, и каждый шаг их был мягким, неслышным — будто сама земля не желала тревожить покой мёртвой. Агата стояла у старого дуба и не двигалась. Она смотрела, как белые лилии укрывают подножие постамента, и не могла заставить себя уйти. В груди что-то давило. Словно она проглотила камень, и теперь он застрял где-то между сердцем и горлом.

Пальцы сами собой сжались в кулаки — и тут же разжались. Без топора было невыносимо. Она всё время забывалась, тянулась рукой к поясу, и каждый раз натыкалась на пустоту. Топор остался на дне озера, ушёл под лёд вместе с её уверенностью, что она может хоть что-то контролировать. «Дура. Какая же дура».

Она не заметила, как к ней подошёл Вилл. Капитан встал рядом, плечом к плечу, и долго молчал. От него пахло ромом — резко, почти невыносимо. Агата поморщилась, но ничего не сказала. Она понимала. У каждого свой способ не сойти с ума.

— Хорошо пела, — хрипло произнёс он наконец.

Агата не ответила. Она не хотела говорить о песне. Песня была частью проклятого фарса — нежного, поэтичного и совершенно бесполезного. Слова, даже самые красивые, не

вернут Лею.

— Я серьёзно, — повторил Вилл. — Она бы оценила.

— Замолчи, — тихо сказала Агата.

Он замолчал. Они стояли вдвоём под дубом, пока последние эльфы не покинули сад. Ветер трепал шёлковые ленты, повязанные на ветвях. Белые лилии чуть подрагивали, словно живые.

Агата стиснула зубы.

— Я пойду, — сказал Вилл.

— Иди.

Он потоптался на месте, будто хотел ещё что-то добавить, но не решился. Агата слышала, как его шаги удаляются, как хрустит под сапогами гравий дорожки. Когда всё стихло, она наконец позволила себе выдохнуть. Выдох вышел рваным, похожим на всхлип.

В замок она возвращалась окольными путями — не хотела никого видеть. Коридоры были пусты, лишь редкие слуги попадались навстречу и тут же исчезали, едва завидев её лицо. Агата не знала, куда идёт. Ноги сами несли её прочь от парадных залов, от скорбных лиц, от приторного запаха благовоний.

Она оказалась в оружейной. Сама не поняла, как. Просто толкнула дверь и вошла. Здесь было темно и холодно. Вдоль стен на стойках выстроились клинки: длинные эльфийские мечи, короткие людские палаши, пара гномьих секир. Агата

подошла к одной, сняла со стойки. Взвесила в руке. Чужая. Неудобная. Рукоять скользила в ладони.

Она вернула секиру на место и села прямо на каменный пол, привалившись спиной к стене. Здесь, в темноте, среди оружия, было почти спокойно. Никто не смотрел, никто не ждал от неё слов утешения или мудрых решений.

«Я должна была её удержать».

Мысль пришла не в первый раз. Она крутилась в голове уже третьи сутки, с того самого момента, как Агата вынырнула из ледяной воды и поползла к чёрной воронке на месте взрыва. Она помнила, как звала Лею. Как сорвала голос. Как раздирала пальцы о камни, пытаясь найти хоть что-то — обрывок одежды, прядь волос, что угодно.

Ничего. Только оплавленный меч, торчащий из земли, как одинокий памятник.

Агата закрыла глаза. Перед внутренним взором снова встала та минута. Лея, бледная как смерть, с дьявольским огнём в глазах. Алмазный стержень, зажатый между зубов. Её голос: «Хочешь жить — беги».

И она побежала.

Она, Агата, воительница, дочь Варга, побежала, как последняя трусиха.

«Я должна была остаться. Должна была вырвать у неё этот проклятый стержень. Оглушить, связать, утащить силой — что угодно. Но не бежать».

Она ударила кулаком по каменной плите. Боль пронзила

костьяшки, отрезвила. Кровь выступила на сбитых пальцах.

— Дура, — вслух сказала она. — Ты не смогла бы её утащить. Она весила меньше тебя, но упрямства в ней было на десятерых.

Голос прозвучал глухо в пустом зале. Агата поднесла разбитую руку к лицу, посмотрела на кровь. Боль была настоящей, понятной. Не то что та, что грызла изнутри.

«Ты рубишь, а я жгу. Слушай меня. Договорились?»

Агата помнила эти слова. Лея сказала их перед самой атакой, когда снарки сжимали кольцо. И Агата согласилась. Она слушалась. И выполнила приказ. Но от этого было не легче.

«Ты сделала то, что она велела. Ты спасла свою шкуру. Поздравляю. Геройская смерть досталась рыжей, а тебе — жизнь и этот чёртов камень на душе».

Она встала. Подошла к стойке с топорами и снова взяла один — на этот раз одноручный, с широким лезвием и короткой рукоятью. Взвесила. Не её. Но сойдёт.

«Новый топор не заменит старый. Старый был со мной с тех пор, как я сбежала из-под горы, до самого корабля. Им я убила отчима».

Агата сжала рукоять до побелевших костьяшек. Отчим. Она почти не вспоминала его в последнее время. Та жизнь осталась где-то далеко, под сводами гномьих пещер, в сердце горы. Тогда она тоже бежала. Только не от снарков, а от того, что натворила сама.

«Я убила его. Он был чудовищем, но это не меняет сути».

Старая вина смешалась с новой, и Агата вдруг поняла, что не может разделить их. Они были как два ручья, сливающихся в один мутный поток. Тогда — убийство отчима. Теперь — бегство от Леи. Там и там она выбирала себя.

«Нет. Там я выбирала свободу. А здесь — выполняла приказ».

Но разве от этого легче?

Она стиснула топор и вдруг с размаху вонзила его в деревянный стеллаж. Лезвие вошло глубоко, расщепив доску. Дыхание сбилось. Сердце колотилось так, будто она снова была там — у озера, в гуще битвы.

— Агата?

Голос заставил её вздрогнуть. В дверях стоял Рейдан. Она не слышала, как он вошёл. Эльф смотрел на неё без страха, без удивления — только с каким-то пониманием, от которого ей стало ещё хуже.

— Чего тебе? — хрипло спросила она.

— Услышал шум. Решил проверить.

— Проверил? Теперь иди.

Рейдан не двинулся с места. Он прикрыл за собой дверь и неспешно прошёл к ближайшей стойке, оперся на неё, скрестив руки. Вид у него был усталый: синяк на скуле, тёмные круги под глазами. Досталось при разнимании драки.

— Ты не виновата, — сказал он.

Агата горько усмехнулась.

— Ты даже не знаешь, о чём я думаю.

— Догадываюсь. Ты винишь себя, что не спасла её. Что побежала. Что жива, а она — нет. Я прав?

Агата не ответила. Только выдернула топор из стеллажа и швырнула его обратно на стойку. Лязг металла эхом разнёсся по залу.

— Это не твоя вина, — повторил Рейдан. — Лея сделала выбор. Сама.

— Она сделала выбор, потому что я не дала ей другого! — вспыхнула Агата. — Потому что вокруг не было никого, кто мог бы её защитить! Потому что её король — твой друг, между прочим — отпустил её одну с горсткой солдат!

— Ты тоже была там.

— Да. И я не справилась. — Голос Агаты сорвался, она закашлялась, сглотнула. — Я не справилась, Рейдан. Она смотрела на меня и ждала, пока я отбегу. Я видела её глаза. Она знала, что умрёт. И я знала. И всё равно побежала.

Рейдан помолчал. Потом оттолкнулся от стойки и подошёл ближе.

— Знаешь, что сказал Тариэль? Он сказал, что камень в его перстне ещё жив. Парный обсидиан. Тот, что в кулоне Леи.

Агата подняла глаза.

— Это правда?

— Он так говорит.

— Но это может быть... ошибкой.

— Может. Но он верит. Хочет верить.

Агата покачала головой. Она тоже хотела бы верить. Очень хотела. Но она видела взрыв. Видела, как пламя пожрало всё на сотни метров вокруг. Никто не мог выжить в таком пекле.

— Если бы там было что искать, я бы нашла, — глухо сказала она. — Я перерыла каждый дюйм той проклятой воронки.

— Ты была изранена и едва держалась на ногах. Ты могла что-то пропустить.

— Я ничего не пропустила. Только меч. Оплавленный, как свечной огарок.

Она снова села на пол. Ноги вдруг стали ватными, сил стоять не было. Рейдан опустился рядом — не близко, но и не далеко. Они сидели в тишине оружейной, и каждый думал о своём. За окнами темнело.

— Он правда хочет искать? — спросила Агата через некоторое время.

— Да.

— Один?

— Один. Меня оставляет здесь — присматривать за порядком. И за Виллом.

— За Виллом не нужно присматривать. Он просто зол.

— Он избил короля.

— Он избил того, кого считает виноватым. — Агата пожала плечами. — Я его понимаю.

Рейдан покосился на неё.

— Ты тоже считаешь Тариэля виноватым?

Агата задумалась. Она вспомнила утро — как капитан молотил кулаками эльфа, а тот не сопротивлялся. Как Тариэль смотрел сквозь всех, будто его душа уже покинула тело. Как он сказал: «Бей». Всего одно слово. Но в нём было столько боли, что Агате стало не по себе.

— Не знаю, — ответила она. — Может, и виноват. Может, мы все виноваты. Но ему сейчас хуже всех.

— Почему?

— Потому что он король. И не может просто надраться и забыться, как Вилл. Не может пойти в оружейную и крушить стеллажи, как я. Он должен держать лицо. А лицо у него разбито, и держать его не получается.

Рейдан невесело усмехнулся.

Они снова замолчали. В оружейной совсем стемнело, только узкая полоска света из-под двери тускло освещала пол. Агата подтянула колени к груди, обхватила их руками.

— Я пойду с ним, — вдруг сказала она.

— С кем? С Тариэлем?

— Да. Если он собирается искать Лею, ему понадобится тот, кто был там. Кто видел всё своими глазами.

— Ты же сказала, что искать нечего.

— Сказала. Но это не значит, что я не пойду. — Агата поднялась, отряхнула колени от пыли. — Кто-то же должен присмотреть за этим остроухим безумцем. К тому же, что мне теперь делать? Куда податься?

Рейдан встал следом.

— Ты уверена?

— Я не уверена ни в чём. Но сидеть здесь и жалеть себя я больше не могу. — Она взяла со стойки тот самый одноручный топор, что швырнула недавно.

Рейдан кивнул. Он не стал отговаривать. В конце концов, каждый справлялся со своей виной как мог. Кто-то пил. Кто-то дрался. А кто-то шёл на поиски призрака, потому что сидеть на месте было невыносимо.

Когда Агата вышла из оружейной, в коридоре горели редкие светильники. Их мягкий свет ложился на каменные стены, отражался в витражах, изображающих великие битвы. Воительница остановилась у одного — с драконом, пронзённым копьём. Агата провела пальцами по холодному стеклу. Витраж молчал. Дракон застыл в вечном падении. Она сжала рукоять нового топора и зашагала прочь.

Глава 3. Вильям

В комнате было темно и душно. Вилл сидел на полу, привалившись спиной к холодной каменной стене, и смотрел на оплывший огарок свечи. Огонёк дрожал, метался, словно загнанный зверёк, и в его неверном свете лицо капитана казалось старым. Как будто он прожил уже несколько жизней и все они оставили на нём свои отметины.

Рядом на полу выстроились бутылки — две пустые и одна початая. Ром. Эльфы не держали рома, но Вилл знал, где искать: в подвалах замка, среди трофеев, привезённых когда-то из человеческих земель. Он спустился туда сразу после церемонии, взял первое, что попало под руку, и заперся у себя. С тех пор прошло несколько часов. А может, целая вечность. Он не считал.

Ром был скверным — старым, выдохшимся, но крепким. Он обжигал горло и почти не давал опьянения, только тяжёлую, мутную пелену в голове, которая не спасала, но хотя бы притупляла тоску. На пару часов. Потом боль возвращалась — тупая, ноющая, неотступная.

Вилл снова поднёс бутылку к губам. Сделал глоток. Поморщился. Какая, к чёрту, разница? Главное — забыться. Хотя бы до утра. Хотя бы на час.

«Лея».

Имя всплыло само собой. Он не звал его, не думал о ней

специально, но оно звучало в голове постоянно, как навязчивый мотив, который невозможно выкинуть. Лея. Его княжна. Его первая и единственная любовь.

Вилл стиснул зубы. Перед глазами встало её лицо — не такое, каким он видел его в последний раз, не бледная маска с дьявольским огнём во взоре, а другое. То, из детства. Когда они носились по Змеиной бухте, босые, чумазые, счастливые. Когда мир был простым и понятным: вот море, вот небо, вот Лея, а всё остальное — ерунда.

«Я должен был остаться. Я должен был быть рядом».

Мысль эта, горькая и острая, как осколок стекла, сидела в груди с того самого момента, как Агата вернулась. Вернулась без княжны. С пустыми руками и мокрым от озёрной воды лицом. Вилл помнил, как стоял в воротах замка, смотрел на приближающийся отряд и не видел среди всадников рыжей головы. Как сердце пропустило удар, а потом забилось часто-часто, словно пытаясь вырваться из грудной клетки. Как Агата спешила и пошла к нему, а он уже знал. По её походке знал. По тому, как она опустила плечи, как не поднимала глаз.

Он тогда не закричал, не заплакал. Просто развернулся и пошёл прочь — в подвал, за бутылками.

С тех пор прошло три дня, а он всё сидел здесь. Выходил только на эту дурацкую церемонию — и то лишь потому, что Агата попросила. «Она бы хотела, чтобы ты был», — сказала воительница. И он пошёл. Стоял, слушал песню о русал-

ке, смотрел, как эльфы кладут белые лилии к пустому постаменту. И молчал. О чём тут говорить? Леи нет. А без неё слова — пустота.

Вилл снова приложился к бутылке. Ром плескался на донышке, и он подумал, что надо бы сходить в подвал за следующей. Но не было сил даже на то, чтобы подняться с пола. «Остроухий ублюдок».

При мысли о Тариэле внутри поднималась волна ярости — обжигающая, почти приятная. Хотя что-то живое в этом болоте. Вилл вспомнил, как бил его. Вспомнил хруст, с которым кулак врезался в челюсть эльфа. Вспомнил его пустые, мёртвые глаза. Тариэль не сопротивлялся. И это бесило больше всего. Почему он не дрался? Почему не ответил? Было бы легче, если бы эльф дал сдачи, если бы они схватились по-настоящему, если бы можно было выплеснуть эту ярость в драке. Но Тариэль стоял и принимал удары, как жертвенный ягнёнок, и от этого Виллу становилось ещё муторнее.

«Король, мать его. Он же король. У него была власть. У него была магия. Почему он её не уберёт? Почему отпустил с горсткой солдат? Почему сам не пошёл? Почему я не пошёл?»

Вот оно. Последнее — самое страшное. Вилл закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыла картина: пустынный пляж под Драконьим пиком, закатное солнце тонет в море. Лея сидит на песке, обхватив колени, в глазах — упрямство пополам с отчаянием. «Не уплывай, — просит она. —

Останься». А он, молодой дурень, которому вчерашний вечер перевернул душу, качает головой и говорит что-то про её княжеское будущее, про то, что её всё равно выдадут замуж за кого-то богатого и знатного, что у них нет будущего. Что отец вернулся — впервые за столько лет! — и он не может упустить этот шанс. Что там, в море, он станет кем-то, а не просто сыном кухарки. Что так будет лучше. Для неё. Для него. Для всех.

Ложь. Он врал тогда, врал себе, врал ей. Не о будущем — о том, что так будет лучше. Ему просто хотелось доказать, что он чего-то стоит. Что он не пустое место. Что он достоин любви княжны. И ради этого он бросил её одну.

Если бы он остался. Если бы не уплыл с отцом, не полез в пираты, не продал бы душу этому проклятому компасу. Если бы остался на Драконьем Пике, рядом с ней. Всё могло быть иначе. Лея не поехала бы в Гутабург. Не согласилась бы на брак с Алгаром. Не попала бы в лапы к эльфам. Не оказалась бы на озере с горсткой солдат против армии снарков.

«Я подставил её. Я, а не остроухий».

Эта мысль обожгла сильнее рома. Вилл застонал и стукнулся затылком о камень. Боль отрезвила на мгновение. А потом нахлынуло другое воспоминание, ещё более страшное — компас.

Он вспомнил тот момент в цеху, когда Лея, Агата и он пытались уничтожить артефакт. Лея коснулась компаса голой рукой. Он узнал её. И тот, кто создал его, — тоже.

«Я сам привёл её к нему. Сам показал. Она коснулась компаса, и он её засёк».

Вилл сжал виски ладонями. Перед глазами снова стояла картина: лицо Леи в тот миг — растерянное, но не испуганное. Она не поняла тогда, что произошло. А он понял. Он понял сразу, как только увидел эту багровую вспышку. Просто не хотел верить. Гнал от себя мысль, уговаривал себя, что показалось, что совпадение, что снарки напали на Линден не из-за неё. Врал самому себе.

«Это я. Я её подставил. Я притащил в её жизнь этот проклятый компас. Я привёл тварей прямо к ней. Если бы не я, она была бы жива».

Глава 3.2. Вильям

Бутылка выпала из ослабевших пальцев и покатилась по каменному полу, разливая остатки рома. Вилл не стал её поднимать. Он сидел, уронив голову на грудь, и дышал тяжело, хрипло, как загнанный зверь.

«Отец...»

Мысль о Гаррете Бёрге пришла незваной. Вилл редко вспоминал отца — в последние годы старался вообще не думать о нём. Но сейчас, в темноте, среди пустых бутылок, образ всплыл сам собой. Высокий, широкоплечий, с обветренным лицом и татуировками на руках. Гаррет Бёрг — гроза южных морей, капитан «Морского дьявола», человек, которого боялись даже бывалые пираты. И человек, который однажды исчез, оставив жену и сына.

Что он знал об отце? Только то, что рассказывала мать. Мира не любила говорить о Гаррете, но иногда, поздно ночью, когда думала, что Вилл уже спит, она стояла у окна и смотрела на море. И в эти минуты её лицо становилось таким, что у мальчика сжималось сердце: тоскливым, бесконечно одиноким. Таким же, каким, наверное, было сейчас его собственное лицо.

«Почему он ушёл? Почему оставил нас?»

Вилл вдруг замер. Мысль, которая давно уже скреблась на задворках сознания, вдруг вылезла наружу, отчётливая и

страшная. Компас. Отец ушёл не потому, что разлюбил мать. Не потому, что море звало. Его вынудили. Компас — проклятый, вечный, ненасытный — привязал его к себе так же, как теперь привязал самого Вилла. Гаррет Бёрг не бросил семью. Он бежал, чтобы спасти её. От себя. От того, кто стоял за компасом. Вилл не знал этого наверняка, но чувствовал — каждой костью, каждой каплей крови, доставшейся от отца. И от этого становилось ещё более тошно. Потому что если отец ушёл, чтобы уберечь жену и сына, то он, Вилл, не уберёт никого. Лея мертва. И виноват в этом он сам.

Вилл вспомнил, как мать умирала. Чахла медленно, как свеча, у которой кончается воск. Она не жаловалась, не плакала, только смотрела на сына и повторяла: «Ты не виноват, Вилл. Ты не виноват». А он стоял у её постели, сжимал её руку и думал о том, что никогда не простит отца. Никогда.

И вот теперь он сам стал отцом. Нет, не в буквальном смысле — детей у него не было. Но он стал тем, кто принёс проклятие в дом любимого человека. Как Гаррет.

«Я стал им».

Вилл с силой провёл ладонью по лицу. Пальцы дрожали. Он потянулся за бутылкой, но она была пуста. Тогда он просто закрыл глаза и позволил темноте поглотить себя.

Ему снова вспомнилось детство. Не его собственное, а их общее с Леей. Замок на Драконьем Пике, который тогда казался целым миром. Виноградники, спускающиеся к морю. Змеиная бухта с её вечным базарным шумом, криками чаек

и запахом рыбы. Они с Леей носились по берегу, прятались в скалах, строили шалаши из выброшенных морем досок. Он был сыном кухарки, она — княжной, но какая разница, когда тебе десять? Они были просто детьми, лучшими друзьями.

«Почему я уплыл? Она же просила. А я уплыл».

Вилл застонал. Воспоминания, которые он годами прятал где-то глубоко, теперь лезли наружу, как черви после дождя. Он помнил тот день до мельчайших подробностей. Солнце клонилось к закату, красило море в медь. Лея стояла на причале.

— Останься, — просила она.

Он тогда засмеялся. Дурак. Молодой, самоуверенный дурак.

— Я скоро вернусь. Привезу тебе жемчуг с Вольных островов.

Не привёз. И не вернулся. Когда они встретились снова, Лея была уже не ребёнком. И он был не тем мальчишкой, которого она помнила. Между ними стояли годы, море, пиратство, проклятие и чужая магия. И всё же, когда он увидел её на палубе «Морского дьявола» — такую же рыжую, такую же упрямую, — внутри что-то ёкнуло. Старое, давно забытое, но живое.

«Я любил её. Всегда любил. С самого детства. И даже когда понял, что она выбрала остроухого, — всё равно любил. Идиот».

Вилл открыл глаза. Свеча почти догорела. Комната тонула

в густом, вязком мраке. Он попытался подняться, но ноги не держали. Бутылки звякнули, когда он задел их сапогом. Перед глазами всё плыло — не то от рома, не то от усталости, не то от слёз, которые он так и не пролил.

Вилл рухнул лицом в постель, даже не раздевшись. Пыльный бархат балдахина нависал над ним, как саван. Веки налились свинцом. Сознание поплыло, цепляясь за обрывки мыслей, но тьма была сильнее. Она накрыла его, как волна, — мягко, но неумолимо. И он провалился в неё, как проваливаются в море, когда сил грести уже нет.

Ему снился замок. Драконий пик — таким, каким он был в детстве. Ещё не обветшалый, не запущенный, не отмеченный печатью упадка. Стены из серого камня, увитые плющом, ярко-синие флаги на башнях, витражи, горящие в лучах закатного солнца.

Вилл шёл по знакомому коридору — и не узнавал его. Здесь пахло не пылью и запустением, а свежим хлебом, лимонным воском и сушёными травами. Где-то гремели кастрюли — мать хлопотала на кухне. Где-то звенел детский смех — неужели его собственный?

Он вышел на балкон. Море, бескрайнее, золотое в лучах заката, расстиралось до горизонта. Внизу, во дворе, Аврора — молодая, счастливая, ещё не убитая горем — играла с маленькой Леей. Девочка визжала от восторга, бегая за бабочкой. Её рыжие волосы горели на солнце, как огонь.

А у кромки прибоя стоял высокий мужчина с обветрен-

ным лицом и татуировками на руках. Он смотрел на море — туда, где далеко-далеко, у самого горизонта, исчезал парус. И лицо его было спокойным, но в глазах таилась та самая тоска, которую Вилл так хорошо знал.

Гаррет Бёрг. Отец.

Рядом с ним стояла Мира — молодая, с округлившимся животом, светловолосая. Она держала мужа за руку и молчала. Но Вилл видел, как крепко она сжимает его пальцы. Так, будто пытается удержать. Будто знает, что он уйдёт.

«Не уходи», — шептала она.

Но ветер уносил слова.

Вилл проснулся резко, словно от толчка. Сердце колотилось, в висках стучало. В комнате было совсем темно — свеча догорела и погасла. Он лежал на кровати, не в силах пошевелиться, и смотрел в потолок. Перед глазами всё ещё стоял образ отца — высокий, одинокий, глядящий в море. И матери — с её молчаливой, отчаянной надеждой.

«Что ты наделал, отец? Что ты принёс в нашу семью? И как мне теперь это разгрести?»

Ответа не было. Только тишина — глубокая, как океан, и такая же равнодушная. Вилл закрыл глаза, но сон больше не шёл.

Глава 4. Лирэль

Виноградники на склонах Драконьего края уже начали желтеть, предвещая близкую осень. Солнце клонилось к горизонту, заливая ряды лоз тёплым, медовым светом. В просветах между холмами угадывалось море — гладкое, почти зеркальное.

Лирэль ждала Гаррета Бёрга у старого каменного колодца, что стоял на границе владений Рейнов, там, где виноградники сменялись диким кустарником. Она пришла задолго до назначенного часа, но не пряталась, стояла под сенью развесистой оливы, застыв в той особенной, неподвижной красоте, которая выдавала в ней нечеловеческое начало. Светлые, почти серебряные волосы были стянуты в низкий узел, на плечи накинут простой, но добротный плащ, ничего лишнего, что привлекло бы внимание.

Когда из-за поворота тропы показалась фигура в потёртой кожаной куртке, Лирэль не дрогнула. Только пальцы её чуть сжались.

— Ты не опоздал, — произнесла она, не оборачиваясь.

— Ты не сбежала, — ответил он, останавливаясь в нескольких шагах. Его голос был низким, чуть хриплым — голос человека, привыкшего командовать, но сейчас в нём звучала необычная для него неуверенность. Гаррет пришёл. И это уже было странно. Но ещё более странным было то,

что он её не боялся.

Гаррет Бёрг выглядел как типичный обитатель портовых трактиров: широкие плечи, обветренное лицо, глубокие морщины от солёного ветра, на руках — татуировки, стёртые временем и работой. Он провёл в море большую часть жизни.

— Ты сказала, что это важно, — напомнил он. — Я пришёл. Что за спешка?

Лирэль повернулась. В её взгляде не было страха, не было боли. Только предопределённость.

— Я должна отдать тебе кое-что, — произнесла она, и голос её был тихим, но твёрдым. — Это не подарок, Гаррет. Это бремя. Ты можешь отказаться, и я пойму. Но если примешь, назад дороги не будет.

Она протянула руку. В её ладони лежал предмет, завернутый в чёрный бархат. Гаррет не сразу решился взять его. Что-то в этом свёртке отдавалось холодом, хотя на дворе стоял тёплый вечер. Он осторожно развернул ткань.

Компас. Его корпус был выточен из тёмного, почти чёрного металла, испещрённого тончайшими серебряными прожилками, которые тускло мерцали в сгущающихся сумерках. Стекло, закрывавшее циферблат, не было прозрачным — под ним клубился густой туман. В глубине, словно в застывшей бездне, угадывались слабые, пульсирующие искры.

— Что это? — хрипло спросил Гаррет.

— Компас, — ответила Лирэль. — Но он не показывает

стороны света. Он показывает пути. И плату за них.

Гаррет сжал артефакт в ладони. Металл был тёплым, почти живым. И в тот же миг он почувствовал, как по руке разливается странное, тягучее тепло — не обжигающее, но проникающее глубоко, в самую сердцевину. Что-то шевельнулось в груди, будто эхо далёкого голоса.

— Кто сделал его? — спросил он, не отводя взгляда от пульсирующей глубины.

— Его имя не произносят вслух, — тихо ответила Лирэль. — Он хочет иметь человека в море. Кого-то, кто сможет исполнять его волю, не задавая лишних вопросов. Этот компас даст тебе силу, которой нет у других капитанов. Он поможет найти любой корабль, обойти любой шторм, подчинить себе любую команду. Но за помощь... — она замолчала, подбирая слова, — ...нужно платить. Магия и власть не даются просто так.

Гаррет давно пиратствовал, но не заработал себе славы, как и денег. Его корабль был стар, команда — сброд, а удача изменчива, как ветер. С этим артефактом он мог бы стать хозяином морей. Но цена...

— Почему я? — спросил он. — Почему не кто-то другой?

— Потому что ты не трус и не дурак, — просто ответила Лирэль. — Ты — тот, кто сможет носить это бремя. По крайней мере, пока.

Она помедлила, потом добавила:

— И потому что у тебя есть сын. Господину нужен не толь-

ко капитан, но и тот, у кого есть что терять.

Гаррет стиснул челюсти.

— А если я откажусь? — спросил он.

Лирэль посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах мелькнула тень — не угрозы, скорее печали.

— Тогда тебе придётся забыть, что ты здесь был. Скажу честно: он не прощает отказа. Однако... — она отвела взгляд, — ...если ты примешь компас, получишь власть, какой никогда не знал. Но однажды тебе придётся заплатить. Спросишь — чем? Я не знаю. Ты почувствуешь, когда это произойдёт.

Гаррет стоял, сжимая в руке артефакт. Пульсация, что шла от металла, постепенно затихала.

— Завтра на рассвете ты уйдёшь в море, — сказала Лирэль. — И не вернёшься на Драконий пик. Никогда. Если тебе дорог кто-то — скажи, что уходишь по делам. Не прощайся. Не оглядывайся.

Она не стала ждать ответа. Развернулась и пошла обратно к виноградникам, не оборачиваясь. Её фигура, укутанная в серый плащ, быстро исчезла в сумерках. Она знала — Гаррет ещё долго будет стоять, сжимая в руке чёртов компас, который уже начал менять его судьбу.

Ночь опустилась на Драконий край. И никто не видел, как пират спустился к морю, сжимая в руке артефакт.

Глава 5. Гаррет

Бёрг не спал всю ночь. Компас лежал на столе, накрытый тряпицей, но Гаррет чувствовал его даже сквозь ткань — пульсацию, тягучую и настойчивую, будто второе сердце билось в груди. Он пробовал отодвинуть артефакт подальше, засунуть в сундук, накрыть грузом — ничего не помогало. Компас гудел, и этот звук был не слышен ушами, он отдавался в костях, в зубах, в самом нутре.

К утру Гаррет принял решение.

Он вышел на пустынный берег, когда солнце только начинало золотить гребни волн. Взял компас в руку, размахнулся и швырнул его в море. Артефакт описал короткую дугу и с плеском ушёл под воду. На мгновение Гаррету показалось, что он свободен. Что кошмар кончился, не успев начаться.

Но компас не утонул. Он всплыл через минуту, мерцая серебряными прожилками на поверхности воды, и медленно, словно живое существо, поплыл обратно к берегу. Гаррет отступил на шаг, потом на два. Компас лёг на мокрый песок у его ног, и в его глубине, под стеклом, за клубился туман — густой, багровый, пульсирующий.

А потом в голове зазвучал голос, низкий, скрежещущий, как лёд, раздираемый железом:

— Ты мой.

Гаррет рухнул на колени, сжимая виски. Голос не стихал.

Это были не словами — ощущение, знание, влитое прямо в сознание. Что бы Гаррет ни делал, куда бы ни бежал, голос не оставлял.

В тот день он понял: компас нельзя выбросить. Его нельзя уничтожить. Он привязывает владельца к тому, кто создал его, к тому, кто ждёт, к владыке бездны. И нет на свете силы, способной разорвать эту связь.

Гаррет вернулся на Драконий пик затемно. Он шёл по коридорам замка, стараясь не встречаться ни с кем из прислуги, но сердце колотилось у горла. В груди клочкотала ярость, смешанная с отчаянием. Он знал, что должен уйти, оставить любимую и не родившееся дитя навсегда. Сегодня. Сейчас. Иначе навлечёт беду на всех, кто ему дорог.

Он застал её у плиты. Молодая, с округлившимся животом, Мира сосредоточенно помешивала в чугунном котле. На её щеках играл румянец от жара, светлые, чуть рыжеватые волосы были убраны под платок. Она обернулась на звук шагов, и на её лице расцвела улыбка.

— Гаррет! Ты вернулся. Я уже думала, ты опять ушёл в море без меня.

Он не знал, что сказать. Слова застревали в горле, превращаясь в ком. Она смотрела на него, и в её глазах было столько тепла, столько надежды, что он не выдержал, шагнул к ней, прижал к себе. Грубо, отчаянно, будто хотел впитать её запах, запомнить тепло её тела навсегда.

— Мне нужно уйти, — выдохнул он ей в волосы.

Она замерла. Потом отстранилась, заглянула ему в лицо. В её глазах мелькнула тревога, но она ещё пыталась улыбнуться.

— Надолго?

Он не ответил. Молчание было красноречивее любых слов. Она побледнела, но не заплакала. Только стиснула его руку так, что побелели костяшки.

— Когда вернёшься? — спросила она шёпотом.

— Не знаю, — честно ответил Гаррет. В горле стоял ком.

— Может, никогда.

Она не стала спрашивать почему. Мира всегда была сильнее, чем казалась. Просто кивнула, отпустила его руку и отвернулась к плите, делая вид, что занята стряпней.

— Иди, — сказала она, не оборачиваясь.

Гаррет постоял мгновение. Хотел сказать что-то ещё — объяснить, попросить прощения, пообещать, — но понял: слова не нужны. Она всё поняла по-другому. «Ну и пусть, — подумал Гаррет. — Может, так будет легче». Он никогда ничего ей не обещал. Мира знала, что связавшись с пиратом, не жди постоянства. И всё же он её полюбил, как никогда не любил прежде.

— Если будет мальчик, назови его Вильям.

Он вышел. Дверь за ним закрылась с глухим стуком, от которого заныло сердце.

В коридоре Гаррет столкнулся с Нэн, старой служанкой, которая растила не одно поколение Рейнов. Она глянула на

его лицо, на пустой взгляд и покачала головой.

— Видно, нелёгкая ноша легла на твои плечи, Гаррет, — тихо сказала она. — Ступай. Я присмотрю за ней.

Он не знал, что ответить. Просто кивнул, сжал руку старухи на миг и пошёл прочь. Там, за дверью, оставалась его жена, его нерождённый ребёнок, его неслучившееся счастье. А впереди была только тьма и компас, пульсирующий в кармане, как живое, голодное сердце.

Гаррет не оглядывался. И когда ноги сами вынесли его к морю, когда солёный ветер ударил в лицо, он позволил себе выдохнуть. Корабль ждал у скал.

На берегу никого не было. Только чайки, да старая Нэн, стоявшая у окна замка и провожавшая его взглядом, пока фигура пирата не растаяла в предрассветном тумане.

Глава 6. Мира

Сын родился в ночь осеннего равноденствия, когда ветер был в трубах так, что старые стены Драконьего пика вздрагивали, словно живые. Мира назвала его Вильямом. Она хотела, чтобы имя стало якорем для мальчика, чей отец ушёл в море и не вернулся.

Она никому не говорила, кто отец ребёнка. Прислуга перешёптывалась, Нэн хмурилась, но вопросов не задавала. В замке Рейн хватало своих тайн, а секрет кухарки был слишком мелким, чтобы им долго интересоваться.

Мира работала, не поднимая головы. С утра до вечера — плита, кастрюли, квашня. Иногда ей казалось, что руки её живут отдельной жизнью, а мысли бродят где-то далеко. Там, где море встречается с небом, где волны лижут корпуса кораблей и где, возможно, живёт Гаррет.

Она не знала, куда он ушёл. Не знала, почему. Знала только, что Гаррет пират, и с самого начала не стоило надеяться на счастье. Мира понимала: стоит только поверить в его любовь, как он исчезнет. Она почувствовала это в тот миг, когда Гаррет сжал её в объятьях — не как любовник, а как человек, который прощается навсегда. И она не стала его удерживать.

Вилл рос. Тёмно-русый, с карими глазами отца, но характером — весь в неё. Строптивый, любопытный, вечно лезущий туда, куда не следует. Мира часто находила его на кух-

не в самом неподходящем месте — то он стащил ложку, то сунул пальцы в тесто. Она ругалась, а он смеялся, и в этом смехе было столько жизни, что у неё замирало сердце.

Иногда, когда выдавалась свободная минута, Мира стояла у окна и смотрела на холмы, на море, на дорогу, ведущую к замку. Она не ждала — она знала, что Гаррет не вернётся. Но она смотрела. Привычка. Или надежда, которую не вытравить даже временем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.